

— Не двигайся, — прошептал Вэнь Тяньдун, склонившись к самому уху Чжао Сюэханя.

В то же мгновение он дважды легонько коснулся пальцами его плеча.

Чжао Сюэхань еще не успел осознать, откуда здесь взялся Вэнь Тяньдун, как почувствовал, что его тело сделалось невесомым. Он плавно оторвался от земли и скользнул прямым в висящую на стене картину. Когда юноша пришел в себя, перед ним простирался расписанный тушью монохромный пейзаж в стиле се-и, а рядом, глядя на него с глубокой тревогой, стоял схематичный человечек, набросанный всего несколькими небрежными штрихами.

— Брат... Брат Дун? — едва слышно позвал Чжао Сюэхань, растерянно разглядывая собственные руки.

Они тоже превратились в несколько простых черных линий, проведенных тушью.

Человечек предостерегающе махнул рукой.

— Помолчи и не шевелись, — шепнул он, кивнув в сторону, и мгновенно застыл, приняв неподвижную позу.

Чжао Сюэхань проследил за его взглядом и заметил некое подобие крошечного окошка, сквозь которое открывался вид на весь главный зал поместья Чжо.

«Неужели брат Дун затянул меня прямо в картину?»

Не успела эта мысль толком оформиться, как двери залы распахнулись и внутрь вошли двое.

Первым был, разумеется, Фэн Юаньсин. Вторым Чжао Сюэхань тоже узнал — они пару раз пересекались в городке у Долины Чистых Хребтов. Он помнил, что этого человека зовут Цяо. В их последнюю встречу тот во главе группы заклинателей уводил связанного Истинного человека Лу.

Чжао Сюэхань украдкой оглянулся на Вэнь Тяньдуна. Черты его лица, выведенные тушью, сливались в едва различимые точки, лишая его всякой мимики. Тем не менее нарисованный спутник ощутимо ущипнул юношу за плечо, призывая к полному покою.

Заклинатель по фамилии Цяо уверенно прошел вглубь комнаты и зажег светильник, чувствуя себя здесь в полной мере по-хозяйски.

— Тебе не кажется, что твое столь долгое пребывание в поместье Чжо выглядит несколько... неблагоразумно? — послышался голос Фэн Юаньсина.

— Пустяки, — отозвался Цяо Лун с легким смешком. — Я ведь двоюродный брат Фанлин. Мы не виделись целую вечность, почему бы не воспользоваться случаем и не предаться воспоминаниям? Да и сама она вовсе не против.

До слуха Чжао Сюэханя донеслось тихое, ритмичное постукивание.

Фэн Юаньсин негромко рассмеялся:

— И когда только ты перенял у Учителя эту привычку — вертеть и постукивать пальцем по пространственному кольцу-банчжи?

— Я проводил подле Учителя слишком много времени, так что эта привычка у меня давно, — ответил Цяо Лун. — Неужели ты не замечал, глава?

Фэн Юаньсин с улыбкой качнул головой и на какое-то время умолк.

— Похоже, Учителя связывали с семейством Чжо весьма тесные узы, — заговорил он вновь, поднимая глаза и оглядывая комнату в колеблющемся пламени свечи. — Помню, при его жизни, когда мы спускались с горы, нас несколько раз принимали здесь со всем радушием.

Фэн Юаньсин окинул взглядом развешанные по стенам свитки и задержал взор именно на той картине, где укрылся Чжао Сюэхань. Сердце юноши пустилось вскачь, колотясь так бешено, словно вознамерилось прорвать тонкие штрихи его нарисованного тела и выскочить наружу.

К счастью, Фэн Юаньсин не услышал этого стука. Помедлив еще мгновение, он отвел взгляд.

— Учитель вырос в этих краях, так что не было в городе дома, где бы его не привечали, — мягко заметил Цяо Лун.

Фэн Юаньсин согласно кивнул.

— Поместье Чжо ничуть не изменилось за долгие годы, — проговорил он, вглядываясь в висящее на стене генеалогическое древо рода Чжо. — Как, впрочем, и сама барышня Чжо. В последний раз я видел ее еще несколько десятилетий назад.

— Хоть у Фанлин и заурядные способности, она никогда не забрасывала духовные практики, так что ее вполне можно считать вольным заклинателем, — возразил Цяо Лун. — Нет ничего удивительного в том, что годы пощадили ее облик.

— Вот как? — Фэн Юаньсин улыбнулся, не отрывая пристального взгляда от свитка с родословной. — Об этом я не знал.

Цяо Лун внимательно посмотрел на своего собеседника. Выждав короткую паузу, он спросил вполголоса:

— Что говорят в школе Чистого Света по поводу дела этого заклинателя Лу?

У Чжао Сюэханя замерло дыхание. Он весь обратился в слух, боясь упустить хотя бы единое слово.

Фэн Юаньсин слегка нахмурился.

— Я в точности передал все твои слова главе школы Сяо Фаню. Судя по всему, он пребывает в полном неведении и крайнем замешательстве.

— Поначалу все казалось предельно ясным: заурядный адепт, чей духовный рост шел слишком медленно, поддался искушению и ступил на ложный путь, — рассудил Цяо Лун. — Однако то, что последовало за этим, не поддается здравому смыслу.

— Даже если адепт праведного пути падет во тьму, его тело не должно источать столь плотную скверну, — задумчиво произнес Фэн Юаньсин. — Тот факт, что темная ци в одно мгновение поглотила его собственный первородный дух и отравила тебя, лишив возможности вернуться в орден, не на шутку тревожит. Завтра, как только завершится Собрание Встречи Зимы, я намерен детально обсудить это происшествие с главами других кланов.

—... — Цяо Лун на мгновение задумался. — С главой Сяо договориться будет несложно. Но вот глава Лян... Случившееся никак не затрагивает интересы его школы, так что он, скорее всего, отделается парой общих фраз и не станет вникать.

Фэн Юаньсин тихо вздохнул.

— Глава Лян — давний друг нашего покойного Учителя. Он принадлежит к старшему поколению, и его суждения подчас разительным образом отличаются от наших. Но я сделаю все возможное, дабы убедить его. Если зло пустит корни дальше, это перестанет быть делом лишь наших двух орденов.

Цяо Лун согласно кивнул. Глава клана внимательно посмотрел на него.

— Цяо Лун, — негромко спросил он, — когда ты сможешь вернуться в обитель?

— Скверна, оставшаяся после того несчастного из школы Чистого Света, почти выветрилась из моих меридианов, — ответил Цяо Лун. — Полагаю, завтра я смогу отправиться в обратный путь вместе с тобой, глава.

Фэн Юаньсин горько усмехнулся:

— Когда мы наедине, избавь меня от этих чинов. К чему эта официальность?

Цяо Лун лишь сдержанно улыбнулся в ответ:

— Глава есть глава, брат. К чему пренебрегать приличиями?

Фэн Юаньсин покачал головой.

— После кончины главы Ду Суму из школы Чистого Света рассудок Учителя начал угасать, — вкрадчиво заговорил он. — Помнишь ли ты, как тридцать лет назад Учитель признался нам, что намерен передать бразды правления нашему старшему брату сразу после Собрания Встречи Зимы?

Лицо Цяо Луна мгновенно посуровело.

— Прошло столько лет, к чему ворошить былое? — отрезал он ледяным тоном. — Разве мы виноваты в том, что Вэнь Тяньдун совершил то безумство? Его никто не неволил.

Фэн Юаньсин устремил задумчивый взгляд на картину:

— И все же я порой думаю... Будь наш старший брат здесь, он справился бы с бременем власти куда лучше меня.

— Брат! Как тебе только приходят в голову подобные мысли? — Цяо Лун гневно сощурился, в его голосе зазвенела сталь. — Глава этого ордена — ты, и никто иной! Вэнь Тяньдуну никогда бы не достался этот пост, и нога его более не осквернит склоны горы Шихун!

— Знаю, все я знаю, — со слабой, измученной улыбкой отозвался Фэн Юаньсин.

Он тяжело вздохнул. Колеблющийся свет свечи плясал на его благородном лице, подчеркивая глубокие тени и придавая суровому облику почти трагическое выражение.

За окном, на верхушке глухой ограды, тоскливо закричали вороны. Фэн Юаньсин всмотрелся в ночную темень и едва заметно поморщился.

— Касательно дела Линь Цзюэ... Ты уже известил его родителей? — спросил он, оборачиваясь к Цяо Луну.

— Еще нет, — тихо ответил Цяо Лун. — В этой истории слишком много белых пятен. Сообщи

мы им сейчас — для четы Линь это станет сокрушительным ударом. Я намерен докопаться до истины и лишь тогда лично нанести им визит.

Фэн Юаньсин кивнул:

— Что ж, полагаюсь на тебя. Это работа не из легких.

«Линь Цзюэ всего-то и сделал, что пропустил несколько дней тренировок — к чему поднимать такую шумиху на весь орден?»

Снова раздался негромкий голос Фэн Юаньсина:

— Линь Цзюэ обладал исключительным талантом. За последние несколько десятилетий он стал единственным учеником нашей школы, сумевшим взрастить первородный дух. Невыразимо жаль...

— Его светильник жизни угас, — ровным тоном произнес Цяо Лун. — Даже если бы мы попытались отыскать и вернуть его первородный дух, сейчас это уже за пределами наших возможностей.

У Чжао Сюэханя внутри все оборвалось. Подавшись вперед, он невольно приник ближе к крошечному окошку, жадно ловя каждое слово.

— Ты сам предал его земле? — спросил Фэн Юаньсин.

— Да, — подтвердил Цяо Лун. — Когда я обнаружил тело Линь Цзюэ, его первородный дух уже бесследно исчез, а семь материальных душ покинули плоть, запустив процесс тления. Забрать останки с собой не представлялось возможным, поэтому я похоронил его прямо там, в лесной чаще Долины Чистых Хребтов.

Эти бесстрастные, обыденные слова отозвались в сознании Чжао Сюэханя леденящим ужасом. Все его существо сковал внезапный ступор.

Линь Цзюэ... мертв?

Но кто же тогда тот юноша, который все это время находился рядом с ними?

Внутри у него все сжалось от внезапного сквозняка необъяснимого страха. Сбитый с толку, он сделал шаг назад, поглубже в нарисованный пейзаж, но тяжелая ладонь опустилась ему на плечо, заставив замереть.

Вэнь Тяньдун едва заметно качнул головой и крепко сжал его пальцы, безмолвно призывая взять себя в руки.

Снаружи воцарилось молчание. Спустя несколько долгих мгновений Фэн Юаньсин повернулся к картине, в которой укрывались незванные гости.

— Сия копия «Возвращения в пустые горы» выполнена весьма искусно, — протянул Фэн Юаньсин, коснувшись пальцем шелка. — Вот только...

Сквозь прорезь окошка Чжао Сюэхань увидел, как прямо к его лицу приближается длинный бледный палец заклинателя. Расстояние сократилось настолько, что казалось, еще миг — и тот заденет кончик его носа. Юноша дернулся назад, но стальная хватка Вэнь Тяньдуна на его плече не позволила ему сделать и шага.

—...художник зачем-то пририсовал поверх пейзажа две человеческие фигурки, тем самым напрочь разрушив первозданное очарование картины, — бесстрастно закончил Фэн Юаньсин.

Его взгляд был устремлен прямо на скрывающихся беглецов, словно он видел их насквозь.

Чжао Сюэханя пробил озноб. Пальцы Вэнь Тяньдуна, стискивавшие его плечо, казались ледяными — то ли от сырости нарисованного туманного ущелья, то ли от скрытого волнения.

— Не думал, что у тебя до сих пор находится время для созерцания живописи, — раздался из-за пределов свитка голос Цяо Луна. — Я полагал, бесконечные дразги внутри ордена давно лишили тебя покоя.

— Изредка можно позволить себе подобную малость, — отозвался Фэн Юаньсин с мягкой полуулыбкой и наконец отвел взор, поворачиваясь к старейшине.

— Час поздний, мне пора, — проговорил Фэн Юаньсин. — Тебе тоже следует отдохнуть. Завтра, когда Собрание Встречи Зимы подойдет к концу, мы вместе вернемся в обитель.

— Слушаюсь, — ответил Цяо Лун и затушил свечу.

Вместе они направились к выходу. И в самый последний миг, прежде чем тяжелая створка двери со щелчком встала на место, до слуха Чжао Сюэханя донесся тихий, едва различимый вздох Фэн Юаньсина:

— Если бы только мы все могли вернуться назад...

Стук захлопнувшейся двери затих, оставив залу во власти абсолютной темноты. Лишь спустя некоторое время, когда последние отголоски шагов растаяли в тишине двора, Вэнь Тяньдун

шумно выдохнул скопившийся в груди воздух.

— Пойдем и мы, — шепнул он и, увлекая Чжао Сюэханя за собой, зашагал вглубь нарисованного мира.

Окружающий пейзаж стремительно менялся: подернутые дымкой горные пики уступали место густым зарослям изумрудного бамбука. Когда они поравнялись с тихой заводью, поросшей цветущими лотосами, Вэнь Тяньдун мягко подтолкнул юношу в спину. Чжао Сюэхань покачнулся, выпал сквозь невидимую границу и твердо встал ногами на деревянный пол.

Оглядевшись, он понял, что они очутились в главном зале поместья Линей. На стене позади него покачивался свиток с изображением безмятежного пруда с лотосами.

Вслед за ним из плоскости шелка шагнул и Вэнь Тяньдун. Он небрежно отряхнул полы одеяния и мягко привлек юношу к себе.

— Ты ведь слышал все, о чем они толковали? — спросил он. На его лице не осталось и следа привычной беззаботной улыбки.

Чжао Сюэхань с трудом сглотнул и молча кивнул.

Вэнь Тяньдун тихо вздохнул и мягко коснулся его волос.

— Понимаю, тебе сейчас не по себе, — мягко произнес он. — И все же уверяю тебя: с Линь Цзюэ все в порядке. Он не причинит тебе вреда, не нужно сомневаться в нем.

Чжао Сюэхань пытливо всматривался в лицо собеседника. Серебристый лунный свет делал его кожу бледной, почти бумажной, но мягкие черты по-прежнему дышали тем теплом, которое заставляло верить ему вопреки всякой логике.

— Кто же он такой на самом деле? — спросил юноша.

— Этого я открыть тебе не могу, — сокрушенно покачал головой Вэнь Тяньдун. — Он строго-настрого запретил мне говорить об этом.

—... Кажется, я и сам уже догадываюсь, — обронил Чжао Сюэхань.

Глаза Вэнь Тяньдуна лукаво блеснули.

— В таком случае все упрощается, — улыбнулся он. — Искренне надеюсь, что твое чутье тебя не подвело.

Чжао Сюэхань плотно сжал губы. Разум его кипел от бесчисленных вопросов, но он решительно не знал, с какого начать. Промозглый ночной воздух пробирал до костей, заставляя его мелко дрожать.

Заметив это, Вэнь Тяньдун с теплой тревогой заглянул ему в глаза и ласково потрепал по щеке.

— Знаю, у тебя сейчас голова идет кругом, — проговорил он мягко. — Но отбрось страхи. И я, и Янь Кэ — мы оба рядом. Мы не позволим случиться беде.

Юноша неопределенно качнул головой, силясь выразить одновременно и согласие, и гнетущее сомнение.

— Я просто... совершенно не понимаю, зачем я здесь. Каков смысл моего пребывания в этом мире? — выговорил он наконец.

Во взгляде Вэнь Тяньдуна на миг отразилось нечто неуловимое.

— На этот вопрос тебе придется отыскать ответ самостоятельно, — тихо отозвался он.

<http://bllate.org/book/19675/2002879>